

Интерес к чтению
Образная речь
Любознательность

Из бабушкиного сундучка
Истории

Умные, добрые,
благородные

Развиваемся легко!

Здравствуйте, дорогие друзья!

Благодаря этой книге вы из настоящего времени...

сможете перенестись и в недавнее и в далёкое прошлое, чтобы познакомиться с волнующими рассказами и притчами. Многие из них когда-то давным-давно могли читать и эти ребята...

Старинные истории из бабушкиного сундучка до сих пор интересны, и могут помочь вам, современным детям, посмотреть на себя и мир вокруг по-другому. Поэтому они находятся в этой книге рядом с замечательными историями современных авторов.

Содержание

Умные, добрые, благородные...

«Разговор без слов...»

Как гуси Рим спасли

Как я поймал рыбку

«Умная и легко обучаемая
птица...»

Благодарю!

О том, как роился улей

Деревья дышат

«Растения просят так тихо...»

«Тепло её пальчиков...»

Какая бывает роса на траве

«Дарить радость людям...»

Умные, добрые, благородные...

... Не верь тому, что тебе говорят дурного о животных.

Тебе скажут: осёл глуп. Когда человеку хотят намекнуть, что он недалёк умом, упрям и ленив, – его деликатно называют ослом.

Запомни же, что, наоборот, осёл – животное не только умное, но и послушное, и приветливое, и трудолюбивое.

Но если его перегрузить свыше его сил или вообразить, что он скаковая лошадь, то он просто останавливается и говорит: «Этого я не могу. Делай со мной что хочешь». И можно бить его сколько угодно – он не тронется с места. Желал бы я знать, кто в этом случае глупее и упрямее: осёл или человек?

... Говорят ещё: глуп, как гусь... А умнее этой птицы нет на свете. Гусь знает хозяев по походке. Например, возвращаешься домой среди ночи. Идешь по улице, открываешь калитку, проходишь по двору – гуси молчат, точно их нет. А незнакомый вошёл во двор – сейчас же гусиный переполох: «Га-га-га! Га-га-га! Кто это шляется по чужим домам?»

... А какие они славные отцы и матери, если бы ты знала.

Птенцов высиживают поочередно – то самка, то самец. Гусь даже добросовестнее гусыни. Если она в свой досужный час заговорится через меру с соседками у водопойного корыта, по женскому обыкновению, – господин гусь выйдет, возьмёт её клювом за затылок и вежливо потащит домой, ко гнезду, к материнским обязанностям. Вот как-с!

И очень смешно, когда гусиное семейство изволит прогуливаться. Впереди он, хозяин и защитник.

От важности и гордости клюв задрал к небу. На весь птичник глядит свысока. Но беда неопытной собаке или легкомысленной девочке, вроде тебя, Ника, если вы ему не уступите дороги: сейчас же зазмеит над землёю, зашипит, как бутылка содовой воды, разинет жёсткий клюв, а на завтра Ника ходит с огромным синяком на левой ноге, ниже колена, а собачка всё трясёт ущемлённым ухом.

А за гусём – гусенята, жёлто-зеленые, как пушок на цветущем вербном барашке. Жмутся друг к дружке и пищат. Шеи у них голенькие, на ногах они не тверды – не веришь тому, что вырастут и станут как папаша. Маменька сзади. Ну, её просто описать невозможно – такое вся она блаженство, такое торжество! «Пусть весь мир смотрит и удивляется, какой у меня замечательный муж и какие великолепные дети. Я хоть и мать и жена, но должна сказать правду: лучше на свете не сыщешь».

И уж переваливается с боку на бок, уж переваливается...

И вся семья гусиная – точь-в-точь как добрая немецкая фамилия на праздничной прогулке.

И отметить ещё одно, Ника: реже всего попадают под автомобили гуси и собачки таксы, похожие на крокодилов, а кто из них на вид неуклюжее, трудно даже решить.

Или возьмём лошадь. Что про неё говорят? Лошадь глупа. У неё только красота, способность к быстрому бегу да память мест. А так – дура душой, кроме того ещё, что близорука, капризна, мнительна и непривязчива к человеку.

Но этот вздор говорят люди, которые держат лошадь в тёмных конюшнях, которые не знают радости воспитать её с жеребьячьего возраста, которые никогда не чувствовали, как лошадь благодарна тому, кто её моет, чистит, водит коваться, поит и задает корм. У такого человека на уме только одно: сесть на лошадь верхом и бояться, как бы она его не лягнула, не куснула, не сбросила.

В голову ему не придёт освежить лошади рот, воспользоваться в пути более мягкой дорожкой, вовремя попоить умеренно, покрыть попонкой или своим пальто на стоянке... За что же лошадь будет его уважать, спрашиваю я тебя?

А ты лучше спроси у любого природного всадника о лошади, и он тебе ответит: умнее, добрее, благороднее лошади нет никого, – конечно, если только она в хороших, понимающих руках.

У арабов – лучшие, какие только ни на есть, лошади. Но там лошадь член семьи. Там на неё, как на самую верную няньку, оставляют малых детей. Уж будь спокойна, Ника, такая лошадь и скорпиона раздавит копытом, и дикого зверя залягает. А если чумазый ребятёнок уползёт на четвереньках куда-нибудь в колючие кусты, где змеи, лошадь возьмёт его нежненько за ворот рубашонки или за штанишки и оттащит к шатру: «Не лазай, дурачок, куда не следует».

И умирают иногда лошади в тоске по хозяину, и плачут настоящими слезами.

(Александр Куприн)

Как гуси Рим спасли

...Дикие народы, галлы, напали на римлян. Римляне не могли с ними справиться, и некоторые убежали совсем вон из города, а некоторые заперлись в кремле. Кремль этот назывался Капитолий.

Остались в городе одни сенаторы. Галлы вошли в город, перебили всех сенаторов и сожгли Рим. В середине Рима оставался только кремль Капитолий, куда не могли добраться галлы.

Галлам хотелось разграбить Капитолий, потому что они знали, что там много богатств. Но Капитолий стоял на крутой горе: с одной стороны были стены и ворота, а с другой был крутой обрыв.

Ночью галлы украдкой полезли из под обрыва на Капитолий: они поддерживали друг друга снизу и передавали друг другу копья и мечи.

Так они потихоньку взобрались на обрыв – ни одна собака не услышала их.

Они уже полезли через стену, как вдруг гуси почуяли народ, загоготали и хлопнули крыльями. Один римлянин проснулся, бросился к стене и сбил под обрыв одного галла. Галл упал и свалил за собою других. Тогда сбежались римляне и стали кидать бревна и камни под обрыв и перебили много галлов.

Потом пришла помощь к Риму, и галлов прогнали...

(По Льву Толстому)

«Умная и легко обучаемая птица...»

...Скворцу, отнятому у кота, бабушка обрезала сломанное крыло, а на место повреждённой ноги ловко пристроила деревяшку и, вылечив птицу, учила её говорить:

– Ну, проси: «скворушке – каши!»

Скворец, скосив на неё круглый живой глаз юмориста стучит деревяшкой о тонкое дно клетки, вытягивает шею и свистит иволгой, передразнивает сойку, кукушку, старается мяукнуть кошкой, подражает вою собаки, а человеческая речь ему не даётся.

– Да ты не балуй! – серьёзно говорит ему бабушка.

– Ты говори: «скворушке – каши!»

Чёрная обезьяна в перьях оглушительно орёт что-то похожее на слова бабушки, – а та смеётся радостно, даёт птице просяной каши с пальца и говорит:

– Я тебя знаю: притворяшка ты – всё можешь, всё умеешь!

И ведь выучила скворца: через некоторое время он довольно ясно просил каши, а завидя бабушку, тянул что-то похожее на «грас-астуй...».

Сначала он жил в комнате деду, но скоро дед изгнал его к нам на чердак, потому что скворец выучился гразнить дедушку. Вот какая умная и легко обучаемая птица скворец.

(Говорящий скворец. Максим Горький)

«Разговор без слов...»

На зеленом, залитом солнцем лугу, невдалеке от своей мамы, пощипывал траву жеребенок – коричневый и блестящий, будто сделанный из шоколада. Мама-лошадь ведет с ним разговор без слов на своем особом лошадином языке: то покосится на него, то вытянет шею в его сторону, а то и слегка хлестнет его кончиком хвоста.

На нашем человеческом языке это значит примерно вот что: «Не ту траву щиплешь!.. Плохо прожевываешь!.. Не раздави, растяпа, жучка своим копытцем!»

Вот жеребенок поднимает голову и с любопытством смотрит на мальчика – незнакомого детеныша светлой масти, который тоже пасется здесь, на лужайке, но щиплет почему-то не траву, а цветы, и щиплет передними ногами, а не губами.

Детеныш этот жеребенку очень понравился, и, когда тот, погнавшись вдруг за бабочкой, падает, жеребенок громко и весело ржет, за что получает хвостом по спине от своей матери-лошади.

– Заржал, обрадовался... – стыдит она его. – Лучше бы себе под копытца смотрел, невежа этакий! Разве можно ржать, когда другой споткнулся?

Жеребенок опускает голову, виновато трется о теплый лоснящийся бок матери и снова ржет. Но на этот раз уже не над мальчиком, а просто так, от большого удовольствия, оттого, что день солнечный, трава сочная, а мальчик на лугу прыгает совсем как жеребенок.

(Рахиль Баумволь)

Как я поймал рыбку

У нас в деревне нет ни речки, ни пруда. Раз отец повёз в село к мельнику зерно, намолотить муки, и взял меня с собою.

Когда мы приехали на мельницу, я пошёл играть с детьми мельника.

Мельников сын Андрей сказал мне:

– Хочешь, пойдём удить рыбу? Мне тятя вырезал славную большую удочку. Я и тебе удочку достану.

Я никогда не видел, как ловят рыбу, и мне очень хотелось попробовать. Мы пошли к пруду и сели на бережку.

Андрей дал мне в руки удочку, насадил на крючок червяка, забросил крючок в воду и сказал:

– Смотри, как рыба станет клевать, тащи скорей.

Мы просидели не долго. Вдруг Андрей закричал:

– Тащи, тащи скорей, клюёт!

Я выдернул удочку: на ней билась небольшая рыбка... Я взял её в руки. Крючок попал рыбке в рот и вышел из глаза. Из глаза текла кровь. Мне стало жалко рыбку, я снял рыбку с крючка и пустил её в воду.

Андрей стал меня бранить, зачем я пустил рыбку. Но я был рад, что бросил её опять в пруд.

(Иван Горбунов-Посадов)

Благодарю!

Танечка нагнулась над большим розовым пионом, чтобы понюхать его запах, и увидела золотого жука. То есть он не из чистого золота, не металлический, а живой, но весь сияет, как золотой кусочек.

Сначала Танечка подумала, что это вредитель (их, вредных очень много в саду), но жук был бедненький, он заблудился, запутался в розовых лепестках и не мог выбраться наружу.

Девочка вспомнила, как она однажды заблудилась в лесу, а большая взрослая тётя её вывела за руку и спасла. И Танечке тоже теперь захотелось стать, как та добрая женщина для этого маленького жука.

Она сунула в цветок указательный палец, чтобы жук за него схватился и вылез, но жук, хоть и золотой, да глупый, не хочет хвататься. Он, наверное, подумал, что это смерть его пришла.

Тогда девочка сунула второй пальчик, осторожноенько взяла золотого жука – и вынула.

Жук, как его вынули, расправил свои крылышки и замахал, полетел, зажужжал громким голосом! А Тане послышалось (а может, и не послышалось), что это он ей сказал: «Благодарю тебя, большая добрая тётя!»

(Станислав Брейэр)

О том, как роился улей

Каждый день клала матка-пчела по тысяче, по две яиц, и из всех одна за одной выводились молодые пчёлки. Но вот однажды в углу улья раздалось робкое кваканье: «ква-ква-ква!». В ответ с другого конца пронеслось сердитое тюканье: «тю-тю-тю»!

Все пчёлы бросили работу, заметались, замешались; весь улей затрубил, загудел. Но сквозь этот шум и гам явственно слышалось по-прежнему с одного конца кваканье, с другого – тюканье.

Что ж это такое было? А вот что: квакала из своей колыбельки молодая, вновь народившаяся матка; и хотелось-то ей выйти оттуда, и не смела она носу показать. Тюкала же старая матка; очень уж ей досадно было, что молоденькая царевна её место занять хочет: вместе две матки в одном улье ведь нигде не уживутся; которой-нибудь надо уйти.

– Пустите меня к ней, пустите! – казалось, тюкала вне себя старая матка. – Вот я её проучу!

Но рабочие пчёлы загородили ей дорогу и не допустили к молодой матке. Тогда старая матка стрелой вылетела из улья, а следом за ней кинулась из улья и половина пчёл.

Но крылья у пчелиных маток мало пригодны для летания – коротенькие. Пролетала она несколько шагов и устала, присела отдохнуть на ближнем дереве. А пчёлы, что полетели за нею, так и облепили ветку. Скоро уж и места не стало. Пчела садилась на пчелу, и скрутились они так в целую чёрную бороду, от которой ветку к земле пригнуло: вот-вот обломится.

Но ей не дали обломиться. Кто же не дал? А пчеляк, седой старичок, сидел неподалёку. Когда пчёлы зароились, он проворно накинул на голову проволочную сетку, на руки надел рукавицы, за пазуху сунул деревянную ложку-черпак и взял в охапку один из пустых ульев, что стояли у него тут же наготове.

Поставив улей под самым роем, он ещё ниже пригнул ветку и черпаком стал огребать пчёл, как дёготь или патоку какую.

Неохотно шли пчёлы с черпака в новый улей: матки ещё не было там. Но пчеляк привычным взглядом высмотрел её среди мелких рабочих пчёл.

– А вот ты где, сударыня! – сказал он, бережно сгрёб её черпаком и подставил к летку.

Матка задыхалась в густом клубе пчёл и шмыгнула в улей. Увидев это, и другие пчёлы живо туда же полезли: черпнул ещё пчеляк раз и два – и весь рой был в улье. Тогда пчеляк перенёс улей на более удобное место, где было просторней и больше солнца.

А пчёлы между тем огляделись в новом улье. Ай, как пусто и неуютно! Ни улиц ни кладовых. Надо работать, работать и работать, чтобы в новом доме было так же хорошо, как в старом. И скоро, точно чудом в сказке волшебной, новый пустой улей наполнился сотами, а соты – душистым, золотистым мёдом. А в чём было всё чудо? В том, что все работали одинаково прилежно, одинаково дружно. Всё чудо было в пчелином законе: «Один за всех и все за одного!»

(Василий Авенариус)

«Растения просят так тихо...»

Толику подарили цветок алоэ в горшке и сказали:

– Не забывай его поливать водой.

А Толик не то что забывал, а ему было всё равно, что с цветком. И не поливал.

Цветок алоэ просил:

– Пить хочу! Пить хочу!

Но растения просят так тихо, что далеко не всякий человек их услышит.

Однажды Толик простудился и заболел.

Мама сказала:

– Приготовлю-ка я тебе сок алоэ с мёдом.

Она отломил от цветка почти все его сочные листья, выжала из них сок, добавила мёд и дала сыну.

Толик стал лечиться и быстро выздоровел.

– Вот он какой молодец, этот алоэ! – улыбнулась мама, обнимая сына.

А цветок алоэ стоит худой, раздетый – почти без листьев.

Мальчик на него посмотрел, и ему стало стыдно и жалко, что он не поливал его водой.

С той поры Толик ухаживает за цветком алоэ, и уже отрастают новые сочные листья.

(Толик и алоэ. Станислав Брейэр)

Какая бывает роса на траве

Когда в солнечное утро летом пойдёшь в лес, то на полях, в траве видны алмазы. Все алмазы эти блестят и переливаются на солнце разными цветами – и жёлтым, и красным, и синим.

Когда подойдёшь ближе и разглядишь, что это такое, то увидишь, что это капли росы собрались в треугольных листах травы и блестят на солнце.

Листок этой травы внутри мохнат и пушист, как бархат. И капли катаются по листку и не мочат его.

Когда неожиданно сорвёшь листок с росинкой, то капелька скатится, как шарик светлый, и не увидишь, как проскользнёт мимо стебля.

Бывало, сорвёшь такую чашечку, потихоньку поднесёшь ко рту и выпьешь росинку, и росинка эта вкуснее всякого напитка кажется.

(Лев Толстой)

Деревья дышат

Ребёнок был болен. Он бился, метался, потом затих.
Мать думала, что он заснул; посмотрела – а он не дышит.
Она стала плакать, позвала бабушку:
– Посмотри, у меня ребёночек умер!
Бабушка говорит:
– погоди плакать, может быть, он только замер, а не умер.
Вот дай приставим стёклышко к ротик, если отпотеет, значит,
дышит и жив.
Приставили стёклышко к ротик. Стёклышко отпотело. Ребёнок
был жив.
Он проснулся и выздоровел.
Великим постом была оттепель, да не согнала всего снегу,
и опять заморозило, и сделался туман.
Рано утром пошёл я по насту в сад.
Смотрю – все яблони пёстрые: одни сучки чёрные, а другие
точно посыпаны белыми звёздочками.
Подожёл я ближе – посмотрел чёрные сучки – все сухие,
посмотрел на пёстрые – все живые и все по почкам облипли
инеем. Нигде нет инея, только на самых на кончиках почек,
на ротиках, там, где раскрываться начали, точно как усы
и борода у мужиков обындевеют на морозе.
Мёртвые деревья не дышат, а живые деревья дышат,
так же, как люди. Мы ртами и носами, они – дышат почками.

(Лев Толстой)

«Тепло её пальчиков...»

Лежал на столе клубок ниток. Самый простой. И крючок рядом.

Ну, ни капельки в них волшебства не было.

Посмотрели на нитки с крючком две подружки – Олюшка и Валюша.

Оля начала вязать да бросила, нитки с досады запутала.

Трудно, неинтересно ей показалось. Побежала в куклы играть с другими подругами.

А Валечка нитки распутала тихонько и в сад пошла. Весной это было, цветы в саду разговаривали: подснежники, фиалки, тюльпаны, нарциссы... Больше всех Валя нарциссы любила. Белые они, а серединка – золотистая, будто солнышко поцеловало её.

Села девочка у грядки и глаз с любимых цветов не сводит. Долго сидела.

Любовалась, шептала им что-то. И они в ответ покачивали головками.

Вернулась Валюша в горницу и взяла клубок. А нитки-то – белые, шёлковые. Затрепетали они в руках у девочки, вобрали в себя тепло её пальчиков и души невинной, и стали появляться нарциссы.

Пролетели дни, как минуточки, связала девочка скатерть, а на ней – цветы любимые разбросаны. А чтобы сердцевинки цветов связать, попросила Валечка у солнышка несколько лучиков. Для такой работы изысканной да из-за старания трепетного детского поделилось солнце лучами драгоценными.

С тех пор, кто ни зайдёт в дом, любитесь работой Валюшиной, а Оля краснеет почему-то...

(Валины нарциссы. Анна Вартаньян)

«Дарить радость людям...»

Их было три – алых красавиц-гвоздик. Вместе они росли в оранжерее, в один день их срезали и поставили в одну вазу – подарили девочке. Одна из них уже к вечеру грустно склонила головку, опустила листочки, и наступившая заря увидела своё дитя уснувшим...

Вторая продержалась три дня, а на четвёртый, будто рассердившись, взъерошила лепестки, стали они торчать во все стороны, и потеряла гвоздика гордую свою красоту...

А третья... Третья жила две недели – прекрасная, нежная и стойкая. Ей тоже было нелегко, ведь осталась она совсем одна.

Но она знала, чувствовала, зачем родилась и выросла. Она должна была дарить радость людям. И делала это, как могла.

Девочка меняла воду, подрезала стебелёк, но постепенно стала замечать, как меняется гвоздика: края лепестков потемнели, будто обжёг их огонь, потом и весь цветок стал таким, но стоял, не склонившись. Только лепестки сжимались, силы собирая по крохам, и однажды, проснувшись, девочка увидела, что цветок превратился в полубутон, настолько плотно лепестки прижались друг к другу.

И в этом увядании была такая сила и красота, такое мужество, что девочка, восхищённая, коснулась лепестков и прошептала: – Спасибо тебе, гвоздика, я тоже стану такой...

(Красавицы. Анна Вартаньян)

Из бабушкиного сундучка
Истории

Умные, добрые, благородные

Автор-составитель: Ирина Романова

Дизайн, верстка: Ольга Рубчиц

Иллюстрации:

Анна Черкез, Анастасия Николаенко